

Тертуллиан

О женских украшениях Тертуллиан

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#)

Глава 1

Знаменитые служительницы Бога живого, любезнейшие во Христе сестры мои! Позвольте, чтобы я в качестве вашего собрата, хотя и считаю себя недостойным сего достохвального имени, представил вам сие краткое поучение, движимый не чувством тщеславия, но одним побуждением любви к делу вашего спасения; дело же сие, о котором все мы равно должны пещись, состоит главнейше в неукоризненных доказательствах вашей чистоты. Как мы все составляем храм Божий чрез освящение нас Духом Святым при крещении: то чистота сия должна быть так сказать привратником и стражем сего храма, дабы не входило в него ничто нечистое, ничто мирское, и дабы Господь, в нем обитающий, видя жилище Свое оскверненным, не удалился из него с негодованием. Но я не имею теперь намерения показать вам необходимость чистоты: божественные заповеди довольно на сей счет положительны. Я ограничусь только объяснением вам одной важной обязанности, относящейся к сей добродетели, обязанности, какую вы должны соблюдать в рассуждении вашей внешности. Многие из вас (позвольте мне сделать вам сей упрек, хотя никто не достоин столько упреков, как я), многие из вас, под видом мнимого неведения или смелого притворства, ведут себя по наружности довольно невоздержно, как будто бы чистота состояла только в том, чтоб удаляться от грубых плотских удовольствий, и как будто бы наружность, то есть, наряды и украшения тела, совершенно ничего не значили.

Особы сии ничего не упускают к поддержанию своей красоты и мнимого своего благоприличия, так что никакого почти различия нет между ними и языческими женами, которым истинное целомудрие по несчастию неизвестно. Я говорю, что сии неверующие не знают истинного целомудрия, потому что кто не знает истинного Бога, виновника и хранителя всякой истины, тот не может следовать иным путем, как путем заблуждения и лжи. Действительно если бы даже и можно было поверить, что между язычницами существует целомудрие: то, однако ж, сия их добродетель столько несовершенна и недостаточна, что, как бы они ни были целомудренны в душе, но роскошь одеяния их обнаруживает в них склонность к разврату. Суетность их такова, что если нельзя иметь полного удовольствия, то они рады воспользоваться частичкою оного. Сколько между ними таких, которые, притворяясь, что хотят нравиться только мужьям своим, употребляют особенное старание украшать и наряжать тело свое для привлечения взоров чужих мужчин, сколько бы ни

казалось по наружности, что они не имеют тут никакого дурного намерения? Скажем еще более. Обыкновенно случается с сими целомудренными язычниками, что если он и не смеют сделать преступления, то имеют к тому желание, или если теперь и не желают, то по крайней мере не заботятся искоренить в себе такое желание. Должно ли сему удивляться? Все, что не происходит от Бога, не может не быть безнравственно. Язычники сии, не имея возможности достигнуть до совершенного добра, портят и малое добро, которым они обладают, примешивая к нему зло.

Глава 2

Вам, любезнейшие сестры, надлежит отличаться от них в одеянии столько же, как вы от них отличаетесь во всем прочем, «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф 5.48). Сие совершенство, я хочу сказать, христианская чистота, должно не только отнять у вас желание быть любимыми, но заставить вас ненавидеть и отвергать все то, что может воспламенять опасную любовь в других. Во-первых, желание нравиться посредством искусственных прикрас может происходить единственно от испорченного и развращенного сердца. Известно, какую приманкою сии прикрасы служат к вовлечению людей в запрещенные удовольствия. Зачем вам возжигать преступное пламя? Зачем привлекать к такому удовольствию, которое долг ваш велит считать непозволенным? Во-вторых, нам отнюдь не должно пролагать пути искушениям, которые и без того часто торжествуют, непрестанно на нас нападаая, или, по крайней мере, сильно нарушают спокойствие души. О, Боже! сохрани нас от сего пагубного камня претыкания. Мы должны иметь наружность такую скромную, степенную, христианскую, чтобы совесть ни в чем не могла нас упрекнуть. Желая пребывать всегда в сем счастливом положении, мы не должны слишком полагаться на себя; ибо полагаясь на собственные силы, мы будем менее остерегаться, сделаемся более отважны.

Страх есть основание спасения: надменность противоположна страху. Гораздо лучше не доверять своей добродетели: недоверие вселит в нас страх, страх сделает нас осторожнее, осторожность поставит нас в состояние избегать опасности. Напротив того, если мы положимся на себя: то не боясь ничего и не уважая довольно опасностей, мы почти не можем не подвергнуться падению. Кто ходит в безопасности и ни от чего не остерегается, тот никогда не станет на твердой ноге. Но кто внимателен ко всему, опасается всего, тот приобретет покой и уверенность в себе. Дал бы Бог, чтобы служители Его удостоены были, во всяком случае, Его покровительства, и могли всегда хвалиться милостями, от Него изливаемыми!

Зачем нам стараться губить наших братьев? Зачем притворными прикрасами возбуждать в сердцах их похоть? Если новый Господний закон равное полагает наказание и за желания и за дела бесчестные: то думаете ли вы, что тот, кто причинил другому гибель, останется без наказания? Знайте же, что вы действительно губите брата своего, когда,

представляя глазам его свою красоту, порождаете в нем похотливые желания. Он уже в душе своей совершил то, чего преступнически пожелал, и вы становитесь для него, так сказать, мечем, его убивающим. Тут хотя бы с вашей стороны и не было никакого положительного проступка: но не менее того вы не извинительны. Подобно сему, когда случится убийство в доме: то хозяин дома, хотя бы и не участвовал в преступлении, но за небрежение подвергается строгости правосудия.

Итак украшайте себя, если угодно, убирайте тщательно тело свое, дабы братья ваши, смотря на вас, погибали. Но что тогда последует с божественною заповедью: «возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф 22.39)? Увы! Если вы мало печетесь о собственном спасении: то, по крайней мере, не разрушайте спасения других. Не думайте, чтобы Дух Святой изъяснился таким образом в отношении только к исполнению некоторых дел милосердия. Нет! Он тут говорит о всех вообще случаях, где только мы можем быть полезны ближнему. А как неоспоримо то, что собственное наше духовное благо, равно как и благо других, подвергается опасности, когда прелести, сами собою уже слишком опасные, тщательно умножаются: то будьте уверены, что долг ваш есть не только отвергать всякого рода украшения, воспаляющие наши страсти, но даже убавлять или изглаживать блеск природной красоты вашей посредством некоторого рода небрежения, которого источником был бы Бог. Сим способом вы пресечете опасные следствия, обыкновенно производимые глазами. Хотя конечно не должно совершенно осуждать красоты, поскольку она составляет преимущество тела, и будучи украшением дела рук Божиих, служит так сказать почетною завесою души нашей; но вред, какой можем мы причинить смотрящим на нас, должен возбуждать в нас те же опасения, каким подвергся Авраам от красоты Сарры (Быт 12.15, 20.2). Сей отец верующих должен был выдать жену свою за сестру, чтоб освободить ее от поругания Египтян и царя Герарского.

Глава 3

Впрочем пускай красота будет не опасна для пользующихся ею и не пагубна для живущих с нами, пускай не подвергает она никого искушению и не подает повода к соблазну и падению; но разве недовольно того, что она не нужна для невест Христовых? Как скоро кто христиански целомудрен, тому нечего делать с временною красотою, потому что, сказать собственно, от нее нельзя ожидать иного употребления и плода, кроме сладострастия. Я не нахожу, чтоб о ней можно было судить иначе. Посему надлежит оставить попечение об умножении тех приятностей, какие мы имеем, или о приобретении таких, каких в нас нет. Предоставим попечение сие безумным женщинам, которые, занимаясь своею красотою, думают, что хлопочут для себя, между тем как они хлопочут для других. – Как! скажет кто-либо. Неужели кто сохраняет красоту свою, тот преступник и тогда, как блюдет целомудрие? Разве не позволено нам пользоваться украшениями тела и наслаждаться удовольствием быть хорошо сложенными? – Обстоятельство сие предаю я на суд тому, кто поставляет все достоинство свое в преимуществах плоти. Мы же должны презирать сию безрассудную выгоду, составляющую качество суетной души; а суетность совсем не приличествует людям, почитающим долгом знания своего сохранять христианское человеколюбие. Если всякая вообще слава суетна и бесполезна: то какого презрения достойна та слава, которая извлекается от слабых нарядов тела? Первые ученицы Христовы! К вам обращаю речь мою. Если позволено хвалиться чем-либо: то надобно хвалиться единственно духовными благами. Прекрасные качества тела не должны нас много занимать, потому что долг наш есть украшать только душу свою. Мы должны только радоваться тому, в чем можем оказать прямые успехи. Слава наша состоит в заслугах добрых дел.

Можно допустить, чтобы христианин хвалился своею плотью, но плотью, изможденною покаянием и как бы отвердевшею от святых подвигов, дабы изможденная таким образом плоть доставляла торжество уму, а не унижала его, привлекла на себя взоры и вздохи какого-нибудь безумного молодого человека. Убедясь доводами, любезнейшие сестры, что красота вам бесполезна, не заботьтесь о том, если нет ее у вас; а если есть, то пренебрегайте ею со смирением. Христианка естественно может хорошо быть сложена; но красота ее не должна быть предметом соблазна. Ей не следует не только привлекать на себя разными прикрасами взоров мужчин, но и быть ими замеченною.

Глава 4

Хотите ли вы, чтоб я говорил с вами так сказать не по христиански, и дал бы вам такой совет, какой мог бы дать и язычникам? Будьте уверены, что вы должны стараться нравиться не иному кому, как своим мужьям; нравиться же им можете вы только по мере того, как перестанете заботиться о том, чтобы нравиться другим. Не бойтесь; жена не может казаться мужу противною. Она ему довольно нравилась, когда качества тела и души заставили его избрать ее себе супругою. Не верьте, чтобы, презирая убранства и украшения, могли вы навлечь на себя ненависть или холодность мужей ваших. Муж, какой бы ни был, требует от жены своей паче всего ненарушимого целомудрия. Христианин не должен обращать внимания на красоту, потому что преимущества, льстящие язычникам, не могут нами дорого цениться. Да и сами неверующие почитают красоту за вещь подозрительную и опасную. Для кого же хотите вы украшать лице свое? Христианин того не требует, неверующий тому не доверяет. К чему хлопотать о нарядах, возбуждающих в одном презрение, а в другом подозрительность? Не напрасно ли тратите вы на то время?

Глава 5

Все то, что мною доселе сказано, не к тому клонится, чтоб обратить вас к образу жизни так сказать мужицкому и отвратительному, или посоветовать вам не соблюдать опрятности в своей особе. Намерение мое состоит только в том, чтоб показать вам, до такой степени и до каких пределов может простираться заботливость ваша о своем теле, дабы целомудрие было не прикосновенно. Не должно выходить из границ скромной благопристойности и приличной опрятности. Надобно начинать с того, чтобы нравиться Богу. Наиболее оскорбляет Его безмерная склонность многих женщин употреблять всякого рода снадобья, чтобы сделать кожу свою белую и гладкую, чтобы красить лице и щеки свои румянами, чтобы чернить свои брови сажею. Видно, что простое творение Божие им не нравится когда они находят в нем недостатки. Они осуждают премудрость верховного Творца всех вещей; ибо исправлять или переделывать то, что сотворено Богом, значит именно осуждать Его. Но кто учит их поступать так? Не иной кто, как враг Божий, как диавол. Действительно кто в состоянии научить безобразить тело, как не тот, злоба которого успела изменить и ум человека? Перестанем сомневаться: он, именно он, изобретатель всех сих преступных хитростей, дабы в самих нас некоторым образом вести войну против Бога. Что приемлем мы от рождения, то творение есть рук Божиих; а что к тому прибавляем, то не от кого иного происходит, как от сатаны. Какая же смелость, какая дерзость употреблять в помощь сатану, чтобы претворять дело рук Божиих! Рабы наши не смеют ничего заимствовать от наших врагов. Воины не требуют ничего от вождей противной стороны: они считают за преступление прибегать к неприятелю своего властителя. Неужели же христианам прибегать к злейшему своему врагу, то есть, к злобному духу? Но что я говорю: христианам? Могут ли они после такой неверности именоваться христианами? Они скорее должны называться учениками того, которого учению последуют.

Из сих предначертаний познайте, любезные сестры, как недостойн имени христианина и противно религии, вами исповедуемой, искусственно себя наряжать, тогда как вам предписано соблюдать священную простоту во всем вашем поведении; претворять ваше лице, когда вам запрещено претворять всякие ваши чувства; желать того, чего провидение вам не дало, в то время как вам повелевается ничего того не желать, что принадлежит другому; стараться умножать ваши прелести,

когда требуется от вас строгое целомудрие. Скажите, пожалуйста, как соблюдать вам то, что трудно в законе, когда не храните вы и того, что в нем легко и нисколько не тягостно?

Глава 6

Иные из вас непрерывно занимаются мазанием своих волос, чтобы доставить им белокурый цвет. Они как будто стыдятся своего отечества, и сердятся, что рождены не в Галлии или Германии, Они стараются насильственно передать волосам своим то, чем природа одарила сии народы. Печальное предзнаменование составляют сии блестящие волосы: суетная и мнимая красота их приводит к безобразию. Действительно, не говоря о прочих неудобствах, не правда ли, что чрез употребление сих благовоний теряются нечувствительно волосы? Не правда ли, что и самый мозг слабеет от сих посторонних влаг и от безмерного солнечного жара, на котором угодно вам палить и сушить свою голову? Можно ли любить прикрасы, производящие столь гибельные следствия? Должно ли называть добром то, что составлено из столь непристойных вещей?

Христианка делает из головы своей как бы жертвенник, на который возливает множество благовоний. Не подобие ли это жертвы, приносимой нечистому духу? Не лучше ли было бы обратить вещества сии на употребление благочестивое, полезное и нужное, на которое они Богом сотворены? С другой стороны, что заповедал Иисус Христос? "Не можешь, – говорит Он, – ни одного волоса сделать белым или черным». (Мф 5.36). И жены смеют прекословить Богу? Посмотрите, говорят они, как искусно из темно-русых или черных волос делаем мы белокурые, и от того бываем пригожее. Но придет время, когда они ничего не упустят, чтобы белые волосы опять обратились, в черные, и когда старость возвестит им, что они слишком долго наслаждались жизнью. Какая несообразность! Люди стыдятся возраста, до которого усердно желали достигнуть; жалуется на потерю, которой давно уже надлежало ожидать; вздыхают о юности, которую провели преступно; хотели бы возобновить случаи к непозволительным удовольствиям. Не дай Бог, чтобы подобное безумие приходило в ум прямому христианину. Чем кто более старается скрывать свою старость, тем более она обнаруживается. Если ты хочешь, никогда не состариться: то сохраняй свою невинность, приобретенную крещением. Сию-то нетленную красоту должны мы стараться соблюсти, пока не переселимся на небеса, где невинность наша получит возмездие. Думаешь ли ты, что приближаешься к небу, и что заботишься как можно скорее оставить несчастный мир сей, когда конец дней своих считаешь за несносное для себя бремя и безобразие?

Глава 7

Какую пользу приносят спасению вашему украшения вашей головы? Разве не можете вы оставить в покое своих волос? Вы их то завиваете, то развиваете; то подымаете, то понижаете; сегодня их заплетаете, а завтра оставляете волноваться небрежно; иногда обременяете их множеством чужих волос, составляя из них или род шапки, которою покрываете голову, или вид пирамиды, чтобы шея была открыта. Какая странность хотеть преступать непрерывно заповедь Божию! «Кто из вас, заботясь, – говорит Спаситель, – может прибавить себе росту *хотя* на один локоть» (Мф 6.27)? А вы хотите непременно прибавить к нему что-либо, накапливая на голове своей пуки волос с кучею украшения, которыми обременяете темя головы, как бы средоточие шлема. Если не стыдно вам носить такое бремя: то постыдитесь по крайней мере недостойнства его. Не кладите на голову, освященную крещением, смертных остатков какого-либо бедняка, умершего от распутства, или какого-нибудь злодея, осужденного умереть на эшафоте. Свободная голова должна устранять себя от рабства всех сих тягостных убранств. Впрочем, напрасно стараетесь вы казаться великолепно одетым; напрасно употребляете искуснейших мастеров для уборки волос: Бог хочет, чтобы вы были под покрывалом. А зачем? Вероятно затем, чтобы никто не видал головы жен, ибо «всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову» (1Кор 11.5).

Дал бы Бог, чтобы в великий день торжества христиан позволено было мне бедному грешнику поднять голову до гордой вашей высоты, дабы быть свидетелем, воскреснете ли вы с вашими румянами и белилами, с вашими благовониями и пышными волосами и представят ли вас Ангелы Иисусу Христу с сими светскими нарядами и украшениями. Думаете ли вы, что если Бог не одобряет роскоши сей здесь, то вы обретете ее может быть в день страшного суда, и тела ваши будут блестеть тогда теми же одеждами, какими вы украшаете их в сем мире? Но, к несчастью вашему, тела и души должны воскреснуть, обнаженные от всякой чуждой примеси. Что не воскреснет с телом и душою, то должно быть отринуто, потому что не происходят от Бога. Отриньте же теперь то, что должны будете тогда отвергнуть, да узрит вас Господь и ныне такими, какими в последний день увидит.

Глава 8

Легко человеку, скажете вы, а особенно такому, который мало снисходителен к женскому полу, осуждать в женщинах все то, что может делать их приятными. – Но, разве одобряю я и в нашем поле известные суетности, не сообразные с важностью религии? Мужчины одержимы бывают такою же страстью нравиться женщинам, как и женщины мужчинам. В тех в других порок сей вселила испорченная природа. У мужчин есть свои снадобья, чтоб особу свою украшать искусственно. Они любят бриться, выдергивать волосы из бороды, завиваться, убирать голову, скрывать знаки старости своей, прятать седые волосы, придавать телу своему вид юности, даже румяниться подобно женщинам, выглаживать кожу свою особым порошком, смотреться непрерывно в зеркало, не взирая на то, что оно выказывает их слишком верно. Все сие делается, как будто бы познание Бога, воспрещающего нам всякое желание нравиться и всякую нечистоту, недостаточно было к тому, чтобы нам отвергнуть вещи сии, признавши их бесполезными и противными целомудрию. Известно, что где Бог находится, там присутствует и целомудрие вместе с священной степенностью, его сопровождающею. Каким же образом может торжествовать чистота без сих орудий, то есть, без скромности и степенности? Но равным образом как нам употребить и сию степенность в пользу целомудрия, когда лицо, одежда и весь состав наш, не будут обнаруживать приличной строгости нравов?

Глава 9

Итак, в отношении к вашему одеянию и к множеству нарядов и прикрас ваших, вы должны всячески отсекать, отвергать и изгонять сию излишнюю для вас непомерную роскошь. Какая для вас польза, что люди будут замечать на лице вашем признаки христианина благочестивого, смиренного, простого, скромного, сообразующегося с правилами Евангелия, между тем как во всех прочих частях вашей наружности выставляете вы станете суетную пышность и неприличную изнеженность? Легко понять, как роскошь сия противна христианской чистоте, и какой путь пролагает она к величайшим беспорядкам. Как это? Не иначе, как осрамляя, так сказать, приятности красоты посредством неги одеяния. Это так справедливо, что без помощи сей роскоши, хорошо сложенное лицо обыкновенно считается красотой посредственной, неприятною, лишенною прелестей своих, такую красотую, которая как бы в разводе с грациями. Напротив того, при недостатке естественной красоты, люди добавляют ее румянами, белилами и другими пособиями. Заметно, что даже особы, достигшие возраста спокойствия, и вошедшие в пристань скромности, нередко все еще поражаются блеском и великолепием украшений, и обуреваются сильными пожеланиями, возбуждаемыми пышностью одежд, несмотря на холодность их возраста.

Отвергните, верные служительницы Иисуса Христа, отвергните мужественно все сии прикрасы и наряды, подобно как бы отринули тех позорных людей, которые торгуют девственною чистотою. Если же вы обязаны иметь уважение к своему роду, качеству и достоинству: то являйтесь с таким скромным великолепием, которое бы не было предосудительно для истинной мудрости внушенной вам Евангелием. По крайней мере, берегитесь, чтобы под предлогом необходимости, не преступать вам границ, предписываемых религиєю. Как можем мы показывать на самом деле смирение, составляющее прямую обязанность нашу, когда не сократим непомерного употребления богатств и убранств, питающих единственно тщеславие, которое нам не приличествует?

Разве нам не позволено, возразите вы, пользоваться своим имуществом? – Но Апостол возвещает вам, чтобы мы были «пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего». Там же говорит он, чтобы мы были «покупающие, как не приобретающие». Если же Апостол потом повелевает, «что имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор 7.29–31) по причине краткости времени: то зачем вам

думать после сего о суетных уборах, о которых здесь речь идет? Посему-то самому побуждению многие особы обязываются хранить непрерывное девство, и для приобретения царствия Божия лишают себя такого удовольствия, которое могло бы им быть позволено. Другие люди воздерживаются от употребления вещей, Самим Богом признанных нужными, как то от мяса и вина, употребление которых не может причинить ни опасности, ни угрызения совести: они предпочитают в сем случае покорять и приносить в жертву Господу душу свою чрез подобное умерщвление плоти.

Доселе вы довольно пользовались богатствами и приятствами своими, довольно наслаждались плодами естественных своих качеств. Пора последовать спасительнейшим правилам. Мы тот возлюбленный народ, который создал Бог при конце веков. Он предназначил нас от вечности на то, чтобы мы здраво судили о ценности времени, дабы, будучи наставлены в сем божественном учении, отметили все излишества века сего. Мы духовно обрезаны от всех вещей по духу и по телу, и должны духовно и телесно переменить правила мира сего.

Глава 10

Думаете ли вы, что Сам Бог научил людей искусству окрашивать шерсть соком известных растений или масляными частями известных рыб? Вероятно, в начале мира Он забыл сотворить овец красных или голубых, и потому в последствии открыл тайну придавать разные цветы тканям, дабы их тонину и легковесность сделать ценнее. Вероятно, Он же произвел сии золотые игрушки, блестящие множеством драгоценных камней, и проткнул вам края ушей для привески к ним великолепных жемчужин. Не Он ли полно признал нужным мучить Свое творение и утомлять детей, недовольных своею участью, до того, что из прорезов на теле, определенном для работы, висят какие-то зерна, которыми Парфяне, народ варварский покрывают все свое тело в виде ожерелья? Между тем то же самое золото, которое приводит вас в восхищение, употребляется иными народами на делание цепей и оков; о чем их же историки повествуют. Видно правда, что вещи сии ценятся не потому, что сами по себе хороши, а потому, что редки.

Но кто открыл их? Не иной кто, как мятежные ангелы или клеветы их: они первоначально указали людям сии земные произведения. Потом труд и промышленность, совокупно с их редкостью, соделали их еще драгоценнее от безумного рвения к удовлетворению роскоши женщин. Надобно полагать, что Бог ввергнет в кромешную тьму сих злых духов, между прочим, и за то, что они указали людям сии опасные вещества, как-то: золото, серебро и делаемые из них вещи, и особливо за то, что научили искусству красить ткани и само лице. Как можем мы угодить Богу, когда любим произведения тех, которых правосудие Его предало вечной казни?

Но положим, что сам Бог даровал все сии вещи, и что Он возводил употреблять их. Положим, что Пророк Исаия ([Ис 3.16–25](#)) именем Господним не вопиял против женских багряных риз, что он не порочил их "златых вплетений, перстней, монист... и запястий», что он ничего не сказал на счет множества других их суетных украшений. Неужели же не должны мы отличаться от язычников, и преимуществовать над ними в том, что для них драгоценно? Вспомнишь, что у вас нет иного Господа и наставника, кроме истинного Бога, и что Он ревнив, когда кто преступает божественное Его учение. Убедимся, как и следует, что сей божественный Строитель с самого начала мира учредил все премудрым образом, и для испытания добродетели верных своих учеников расположил так металлы и минералы, чтобы данная им свобода пользоваться ими могла умножать

заслуги их по мере того, как они станут лишать их себя. Не случается ли иногда, что умный отец семейства нарочно выставляет наружу некоторые ценные вещи для испытания верности слуг своих? Счастливы они, если покажут знаки своей честности и воздержания. Но сколь достохвальнее тот слуга, который отказывается и от того, что ему предоставлено, и который даже боится излишней снисходительности своего господина! Таково мнение Апостола: «все мне позволительно, – говорит он, – но не все назидает» (1Кор 10.23). Во сколько крат более будем мы опасаться употреблять запрещенные вещи, когда приучимся страшиться пользоваться вещами дозволенными?

Глава 11

Скажите: какую причину имеете вы являться в великолепном наряде, когда вы разлучены с другими женщинами, имеющими надобность в нем по таким побуждениям которые до нас не касаются? Вы не посещаете языческих храмов, не присутствуете на их зрелищах, не бываете на празднествах богов. Обыкновенные же плоды расточать такую пышность в одежде состоят именно в том, чтобы находиться в собраниях, чтобы видеть других и себя показать, чтобы блеснуть суетным тщеславием, чтобы выставить на продажу целомудрие. Но вам, верные служительницы Господни, вам предлежат иные спасительные побуждения выходить из дому: вы должны или посещать больных, или присутствовать при богослужении, или приходить слушать слово Божие. Все сие суть упражнения благочестивые, воздержные и скромные. Для сего не нужны ни чрезвычайные, ни великолепные с длинными хвостами одеяния. Если благопристойность, дружба или обязанность заставят вас посетить языческих дам: то почему не являться вам к ним со своею простотою, тем более что вы хотите следовать по пути веры? Чрез сие покажете вы существенное различие между служительницами истинного Бога и служительницами дьявола. Вы послужите им назидательным примером. "Прославьте Бога, – говорит Апостол, – в телах ваших» (1Кор 6.20). Если же Бог прославляется сохранением чистоты: то Он прославляется также и пристойною одеждою и приличным поведением.

Мне известны еще другие возражения некоторых женщин. Мы боимся, говорят они, чтоб имя Божие не подверглось хуле, когда мы откажемся от прежних уборов. Руководствуясь сим правилом, мы, стало быть, не должны отказываться и от прежних пороков; мы, стало быть, должны сохранить те же нравы, потому что хотим сохранить ту же наружность; и тогда-то, вероятно, народы не станут хулить имени Божьего. Подлинно великая хула, когда кто скажет о ком-либо из вас: эта женщина стала скромнее, сделавшись христианкою! Как! Неужели вы боитесь прослыть беднее, сделавшись богаче, или показаться небрежнее, ставши почтеннее? Христианин должен ли следовать правилам языческим, или правилам Божьим?

Глава 12

Нам должно опасаться, чтобы не подать справедливейшего предлога к хуле. Действительно может ли что быть соблазнительнее, как видеть христианских жен, которые, нося звание священных хранительниц чистоты, являются публично разодетыми и разрумяненными подобно блудницам? Какое тогда будет различие между вами и сими несчастными жертвами нечистоты? Строгость законов отделяла их прежде от замужних женщин, и запрещала им носить наряды знатных особ; но ныне своеволие века сего, усиливаясь вседневнo, равняет сих мерзавец с знаменитейшими дамами, так что нельзя уже и распознать одних от других. Священное Писание вразумляет нас, что наряды и раскрашивание лица знаменуют любодеяние тела. Господь, наименовав "великую блудницу, сидящую на... многих... водах», дает ей и одеяние, сообразное с ее именем: "и жена, – сказано, – облечена... в порфиру и в багряницу» (Откр 17.1–4): одеяние подлинно проклятое; без чего не была бы она и названа мерзкою прелюбодейцею. Иуда, сын Иаковлев, увидевши Фамарь сидящую пред вратами Енаима, облеченную в покрывало (Быт 38.14), несмотря на то, что лице ее было под покрывалом, тотчас догадался, что она блудница: по качеству одеяния узнал он, какое ее занятие. Опыт вскоре показал ему, что он не ошибся. Все сие нас убеждает в том, что мы всячески должны стараться не подавать своею внешностью повода к дурному заключению о нашей добродетели. К чему послужит непорочность души, подозреваемая другими? Зачем доставлять другим предлоги к преступническому пожеланию того, чем сами мы гнушаемся? Почему одежда наша не должна быть свидетельством наших нравов, дабы отнять у бесстыдства всякой повод к очернению души? Позволено казаться целомудренным, но запрещено казаться бесстыдным.

Глава 13

Иная из вас, может быть, скажет мне: я не имею нужды в одобрении людей, свидетельство их мало меня беспокоит, Бог видит сердце мое, Он один мой судия. – Пусть и так; но вспомним, что говорит на сей счет Апостол: «кротость ваша... известна... да будет всем людям» (Флп 4.5). На какой конец? Не на тот ли, чтобы злоба не могла найти ничего противного в нашем поведении, и чтобы добрый ваш пример служил злым людям как бы укоризною? Какой также смысл заключается в сих словах: «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5.16). Для чего Иисус Христос называет нас светом мира? Для чего сравнивает он нас с "градом, который не может укрыться... наверху горы»? (Мф.5:14) Не для того ли, чтобы мы просвещали людей, находящихся во тьме, и возвышались над людьми, погруженными в пороки? Да и в самом деле, когда вы будете ставить светильник под спудом: то всякой будет иметь право обвинять вас в преступном небрежении, потому что вы, как бы, гасите сей светильник.

Светильниками мира мы становимся от добрых наших дел, дела же сии, когда они истинно хороши, не любят мрака: они должны быть обнаруженными; и приличие требует, чтобы другие их знали и видели. Посему для христианина не довольно быть целомудренным: надобно ему таким и казаться. Чистота сия, если смею сказать, так должна быть изобильна, чтоб из сердца изливалась на платье, и из внутренности орошала всю особу. Она, таким образом, оградит цитадель внутренности надежными укреплениями внешности, и с большею безопасностью сохранит верность, подобающую Богу. Надлежит совершенно отказаться от всякой неги, обессиливающей строгую добродетель.

Впрочем, я не знаю, в состоянии ли руки, привыкшие к запястьям, поднять тяжесть оков. Сомневаюсь, чтобы ноги, столь часто носившие шелковые подвязки, могли перенести боль от веревочного вязания их. Боюсь, чтобы голова, покрытая изумрудами и бриллиантами, не отступила подло от меча, которым мы ежечасно угрожаемая. А потому, верные служительницы Иисуса Христа, привыкайте к самым труднейшим вещам, и вы не ощутите их при случае. Откажитесь от удовольствий и нарядов, и вы не пожалеете о них никогда. Будьте всегда готовы переносить жесточайшие удары, и не имейте ничего такого, с чем тяжело бы было вам расстаться. Все блага мира сего не иное что суть, как цепи, задерживающие полет нашей надежды. Отвергнем все сии земные

украшения, если хотим блистать на небесах. Остерегайтесь любить пагубное золото, которым запечатлено главное преступление Израильтян (Исх 32.2–6). Вам должно ненавидеть то, что погубило Иудеев, заставив их оставить Бога для поклонения творению рук своих. Впрочем, время христиан всегда, и особенно ныне, есть век железный, а не золотой. Нам готовятся мантии мученичества: ангелы нас в них как бы уже облачают. Предстаньте же пред них, отличаясь красою и приятствами апостолов. Простота и целомудрие да будут единственным вашим убранством. Начертите на глазах своих смиренную скромность, происходящую от благоустроенной внутренности. Привяжите слово Божие к ушам, а иго Христово к шее своей. Покоряйтесь мужьям: сего довольно для вашего украшения. Занимайте руки свои прядением, и удерживайте ваши ноги в кругу домов ваших: ноги ваши от того сделаются более красивы, чем от избытка золота. Исполняйтесь радостью мудрости, святости и чистоты. Если вы так себя украсите: то сам Бог будет вашим верным и вечным подружием.

Содержание

Тертуллиан О женских украшениях Тертуллиан	1
Глава 1	2
Глава 2	4
Глава 3	6
Глава 4	7
Глава 5	8
Глава 6	10
Глава 7	11
Глава 8	12
Глава 9	13
Глава 10	15
Глава 11	17
Глава 12	18
Глава 13	19